

СЕРИЯ КНИГ “ЧИТАЙ И СМОТРИ”

Николай Черкашин



**ПОДЗЕМНЫЙ  
ЛИНКОР**



## ОТ АВТОРА



*Дорогие читатели!*

Восемьдесят лет назад закончилась многомесячная героическая оборона Севастополя. Мы не приурочивали эту книгу к годовщине. Ее идея возникла сама по себе, в русле нашего постоянного внимания к истории города-героя, города русских моряков, нашего Севастополя. Ведь и в прежние годы в серии «Читай и смотри» выходили такие книги, как «Легендарный Севастополь», «Галина. Дельфины. Глубины» и другие. И все же это издание особенное: оно вобрало в себя не только боль души автора – известного российского мариниста Николая Черкашина, который, кстати сказать, отмечает с этой книгой (она сотая по общему библиографическому счету в творческой судьбе писателя) свой 75-летний юбилей. «Подземный линкор» вобрал в себя ту новейшую историческую информацию, те факты, которые открылись нам в последние годы из рассекреченных архивных папок. Благодаря им, мы

узнаем имена новых – истинных – героев, защищавших легендарный город, не щадя жизнью; взыскательно оцениваем тех, кто в силу пропагандистских, идеологических интересов был вознесен на пьедесталы не по заслугам. Но самое главное – мы помним. Мы оберегаем свою историческую память от посягательств, поновлений, искажений.

В Крыму много святых памятных мест, посвященных Великой Отечественной войне, одно из которых – знаменитая 35-ая гвардейская береговая баенная батарея. В 2015 году мы с семьей посетили мемориальный комплекс созданный на территории батареи. Это место никого не оставит равнодушным. Заканчивается экскурсия по батарее в Пантеоне памяти – сооружении в виде расколотой взрывом башни. Здесь на стенах полукруглых галерей размещены фамилии последних защитников Севастополя, а на внутреннем куполе – их фотографии. И происходит удивительная встреча поколений: современные люди могут заглянуть в глаза своим дедам и прадедам... Тысячи лиц одно за одним возникают из ниоткуда и пропадают. И звучит голос: «Они сказали, что город сдан. Но мы там были. Мы продолжали сражаться. Мы не сдались. Пока вы нас помните, мы живем». В этот момент невозможно сдержать слез.

*Вечная память защитникам!*

*Ирина Дядченко,  
руководитель и продюсер проекта «Читай и смотри»*

Тридцать пятая бронебашенная береговая батарея – сегодня самый посещаемый объект в Крыму. Все, кто приезжает на благодатный полуостров – а приезжают сюда со всех концов необъятной России – стремятся побывать в этом святом уголке Севастополя. Выбираются не все, но поток посетителей, так и хочется сказать – паломников, растет год от года, несмотря ни на какие пандемии, и число экскурсантов давно уже перевалило за миллион. Даже президент России Владимир Путин, несмотря на всю свою государственную занятость, нашел время приехать сюда и поклониться подвигу защитников батареи, последних рубежей севастопольской обороны.



Что же так влечет сюда людей?

Да то же, чем привлекает к себе и Брестская крепость – достоверностью великого воинского подвига. Тут можно и ничего и не рассказывать. Достаточно приложить ладони к этим обгорелым израненным камням, к этому ржавому перекрученному железу и ты сам поймешь, каково же здесь было держаться, если тут плавился кирпич, крошился железобетон, завивались в спирали стальные балки... Подобный ад творился и под ясным небом Бреста, и под голубым куполом севастопольского небосвода. Наверное, в России всего три места, где можно прочувствовать подвиг, прикоснуться к нему и даже войти в него. Это старая крепость на Буге, это подземные этажи 35-й батареи и, наконец, каменоломни Аджимушкая. Три точки – координаты величайшего мужества, отваги, самопожертвования.



Замечательно сказал Константин Паустовский в своей «Повести о жизни»:

**«..Меня всегда удивляет одно обстоятельство: мы ходим по жизни и совершенно не знаем и даже не можем себе представить, сколько величайших трагедий, прекрасных человеческих поступков, сколько горя, героизма, подлости и отчаяния происходило и происходит на любом клочке земли, где мы живем. Мы просто не подозреваем об этом. А между тем знакомство с каждым таким клочком земли может ввести нас в мир людей и событий, достойных занять свое место в истории человечества или в анналах великой, немеркнущей литературы».**

Фото на обложке: командир 35-й береговой батареи крупного калибра А.Я. Лещенко



## «ПАРАДНЫЕ ВРАТА» СЕВАСТОПОЛЯ



Войдем же и мы в «мир людей и событий, достойных занять свое место в истории человечества». Этот гористый уголок Крыма, эта всегда голубая бухта – едва ли не самое трагическое место в истории Великой Отечественной войны, а может быть, и всей Второй мировой. Здесь разыгрались события, подобные героической обороне Брестской крепости, а кроме храбрости в этом чудовищном горниле определялась офицерская честь и общегражданская совесть...

Я приходил сюда еще тогда, когда и этот прибрежный холм, и эти торчащие из земли бетонные руины, поросли сухой полыньей, верблюжьей колючкой, чертополохом и прочей травой забвения. Не было тут никаких дорожек, паслись козы, голубело море за обрывом крутого каменистого берега. Поражали воображение подбашенные котлованы батареи, круглые широченные шахты, уходившие в землю. Самых броневых башен давно уже не было – порезали на металл, а их трехэтажное подземелье было открыто всем ветрам, ясному свету южного солнца. Подвывал морской ветер в пустых амбразурах, и все было пронизано ощущением огромной трагической тайны. Казалось, никто никогда не узнает о том, что здесь творилось в далеком 42-м году, о тех, кто защищал этот берег, и как кипела та кровавая безнадежная битва...

Мне повезло. В Москве я отыскал одного из матросов, воевавших в однотипной с 35-й батареей - 30-й, Ивана Павловича Федина. Он-то и рассказал о том, как воевали артиллеристы под броней и железобетонным массивом. Были потом встречи и с другими ветеранами, севастопольскими краеведами, военными историками. Итогом многочисленным бесед и стали эти строки.

Но сначала немного истории.

Предыстория 35-й и 30-й батарей уходит в годы первой мировой войны. И даже раньше... Назревала большая европейская война, и тут выяснилось, что главная база Черноморского флота почти не прикрыта со стороны моря. Ее прикрывала лишь корабельная артиллерия. А если корабли уйдут на задания?

Чтобы не подпускать вражеские корабли к Севастополю, решено было срочно построить мощные дальнобойные батареи линкорского калибра. Пока в Питере на путиловском заводе клепали броневые башни и нарезали длинные 18-метровые стволы, русские военные инженеры Георгий Николаевич Колокольцев и Борис Корнилович Соколов подыскивали наиболее удачные места для береговых батарей: одно в районе северного пригорода Севастополя близ села Любимовка, другое много южнее – на возвышенности Херсонесского полуострова. Огневые позиции утвердили в 1913 году, и солдаты стали рыть котлованы.

Проектировал береговую батарею талантливый военный инженер генерал-лейтенант Нестор Алоизевич Буйницкий, профессор фортификации, который начал свою инженерную службу в легендарной крепости Осовец. Изначально батарея на херсонесском полуострове получила № 25. Однако к началу мировой войны батареи построить не успели.

В октябре 1914 года у берегов Севастополя появился германо-турецкий линейный крейсер «Гебен», который открыл огонь из своих десяти одиннадцатидюймовых орудий прямо по городу, по домам, храмам, причалам. Достоинство ответить ему было нечем. И вражеский рейдер безнаказанно удалился в сторону Константинополя, где и находилась его база. Строительство обеих батарей резко ускорили. Но вскоре вмешались форс-мажорные обстоятельства: грянула революция, а затем запыхала Гражданская война... В 1918 году после Брест-Литовского договора работы были прекращены, а уже готовые к установке орудия, башенные установки и механизмы управления отправили на Балтику и установили установленны в береговых укреплениях Ревеля (современный Таллин).

После окончания гражданской войны было принято решение строительство возобновить и военные инженеры В. Выставкин и Б.Соколов разработали соответствующий проект.

Осенью 1931 года два крупных флотских специалиста Исаков и Немитц, изучая возможности сухопутной обороны черноморского театра, пришли к выводу: сооружать батарею надо как можно быстрее. С Днепростроя привезли бетономешалки. Темпы тоже были «днепрогэсовские»: в час укладывали по сорок пять кубометров бетона!

Только в одно боевое перекрытие – крышу подземного форта – было уложено двадцать две тысячи кубов высокопрочного бетона, почти две тысячи тонн стальной арматуры. О той стройке не писали в газетах... О ней помнят теперь немногие.

В свое время я разыскал в Севастополе одного из немногих живших тогда строителей «тридцаток» – бывшего старшего прораба Семена Кангуна.

– Работали как черти: днем и ночью, в три смены, – вспоминал полковник в отставке Кангун. – Всех строителей перевели на матросский паек. В феврале 1932 года ударили невиданные в Крыму морозы – минус 22, да еще с ветром. Бетон начал замерзать, грели воду... Проверяли каждую вагонетку с жидким бетоном. Ведь строили не дом и не плотину, строили крепость. Трехметровое с половиной боевое перекрытие должно было выдерживать прямые попадания фугасных авиабомб. Чтобы смягчить удары,



Генерал-лейтенант  
Нестор Алоизевич Буйницкий

Музейный историко-мемориальный комплекс Героическим защитникам Севастополя «35-я Береговая батарея»

3 июля 2007 г. – заложен первый камень

1 февраля 2008 г. – начаты работы по расчистке казематов и обезвреживанию территории от взрывоопасных предметов

3 июля 2008 г. – открыт 1-й экскурсионный маршрут

6 апреля 2009 г. – закончено проектирование и начато строительство новых сооружений на территории комплекса: часовни, пантеона, некрополя, административного здания

3 июля 2009 г. – открыт 2-й экскурсионный маршрут

3 июля 2010 г. – под сводом часовни захоронены останки 6-ти бойцов, найденных на месте строительства открыт 3-й экскурсионный маршрут

30 октября 2010 г. – в Некрополе захоронены останки 75-ти бойцов, найденных на территории комплекса за время строительства

3 июля 2011 г. – освящена часовня во имя Архистратига Михаила открыт пантеон памяти последних защитников Севастополя

17 декабря 2011 г. – В Некрополе захоронены останки 72-х бойцов, найденных на местах боёв в период обороны города

3 марта 2012 г. – завершено строительство комплекса



- 1 Место сбора экскурсии
- 2 Мемориальная арка
- 3 Площадь
- 4 Цитадель 35-й батареи
- 5 Пантеон Памяти
- 6 Некрополь
- 7 1-я башня
- 8 2-я башня

- 9 Памятник-карта СОР
- 10 Часовня
- 11 Бруствер с перечнем воинских частей
- 12 Командно-дальномерный пост
- 13 Братская могила
- 14 Административный корпус





мы делали асфальтобетонные прокладки. От мощных взрывов могли откалываться глыбы, поэтому своды казематных потолков были забраны в швеллерные балки – одна к одной, как нервюры готического собора.

Цемент шел наш – новороссийский портланд. У него особенность: с годами прочность повышается. Щебень – диоритовый, камень привозили из-под Симферополя. Гальку брали на месте – с любимовского пляжа.

К 1 мая 1926 года военные строители закончили боевое перекрытие. Потом установили башни с линкоровскими двенадцатидюймовками. Когда одно из орудий произвело пробный выстрел, в окрестном совхозе лопнула цистерна с вином, повывлетали стекла в мазанках... То был голос «тридцатки», укрытой в недрах родной земли и сотворенной из нее до последнего камушка.

В 1927 году батарея вошла в состав 1-го дивизиона 6-й крепостной артиллерийской бригады под номером «35».

В 1929 году береговую батарею посетила группа советских государственных и партийных деятелей во главе с И. В. Сталиным. Сопровождали советскую делегацию несколько высших офицеров германской армии во главе с генералом Бломбергом. В те годы Германия считалась дружественным государством, с которым наши военные делились опытом сооружения фортификационных объектов в СССР.

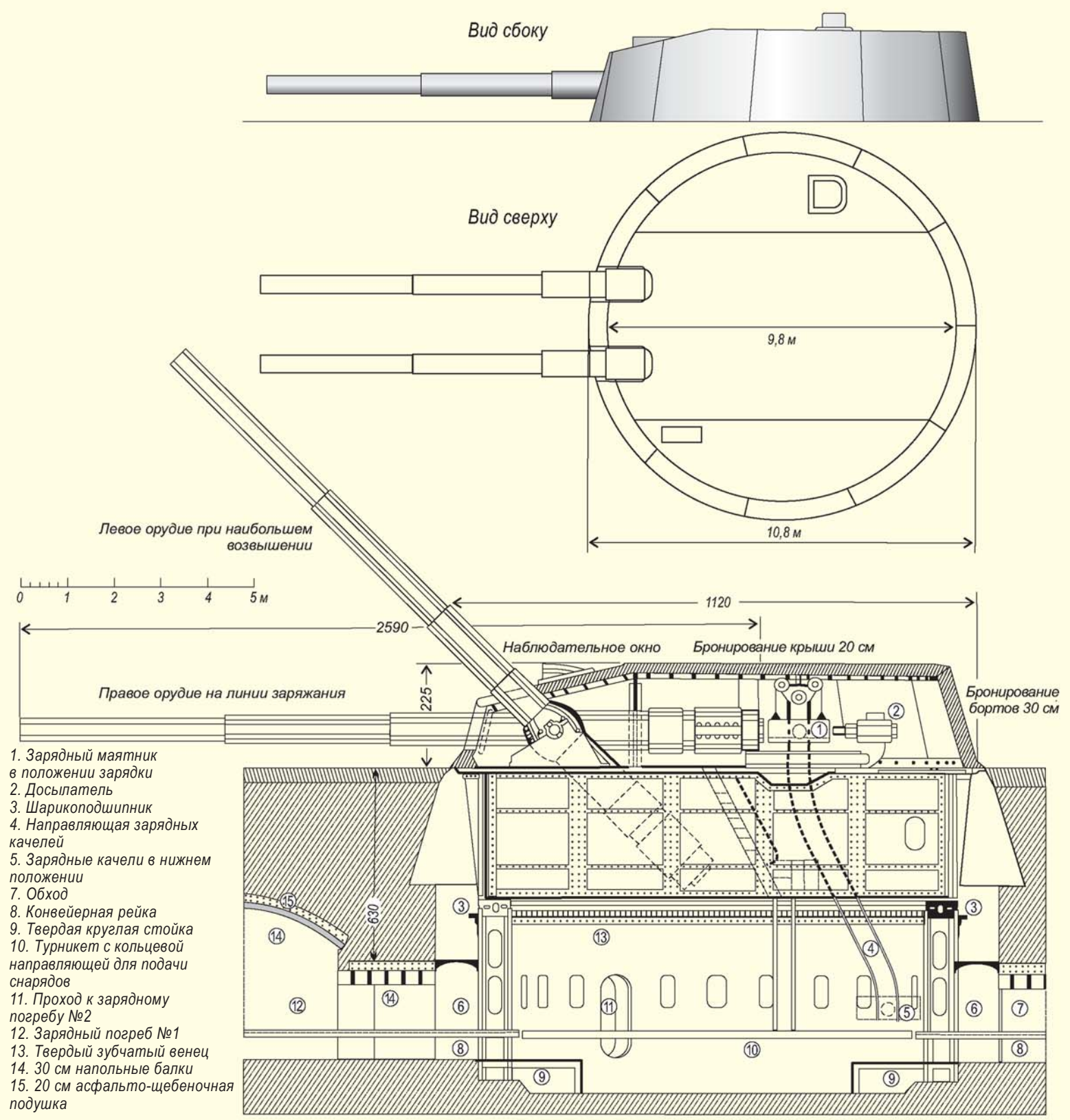
После приемки государственной комиссией батарея под командованием Г. Штейнберга вошла в состав 6-го крепостного артполка береговой обороны Черного моря.

Итак, таких батарей – башенных двенадцатидюймовых – в Крыму было всего две: 30-я прикрывала вход в Севастопольскую бухту с севера – с холмов деревни Любимовки; 35-я – встречала жерлами своих стволов любой корабль, подходивший к Севастополю с юга на дальности в 40 километров.

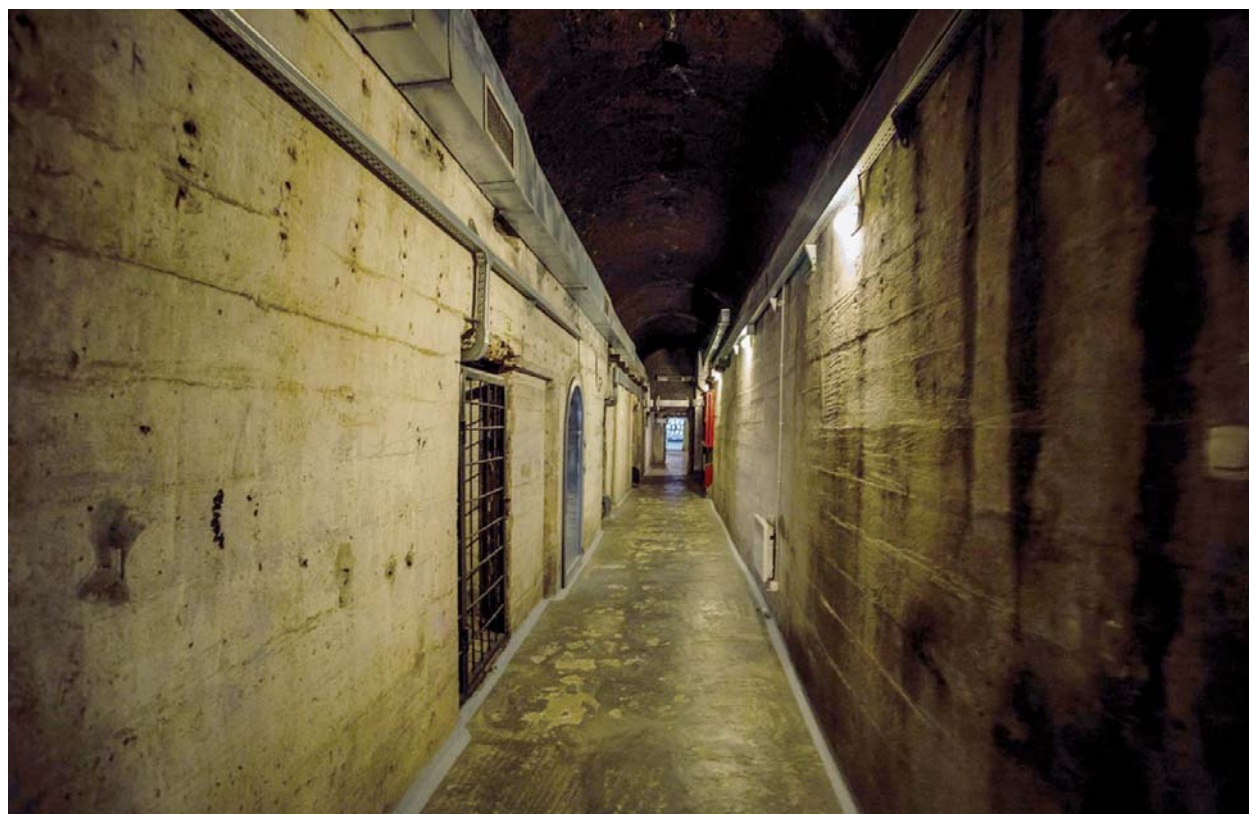
Ее башни возвышались на Херсонесском мысу. Вместе – 30-я и 35-я – как раз и составляли «парадный вход Севастополя», артиллерийские ворота морской крепости.

Батарея батарее рознь. Батареей «тридцатка» была разве что по числу стволов – четыре дальнбойных обуховских орудия смотрели в море из двух линкоровских башен.

### 305-мм ДВУХОРУДИЙНАЯ БАШЕННАЯ УСТАНОВКА МБ-2-12







Потерна 35-й батареи



На самом деле обе батареи представляли собой мощные подземные форты. Под боевым перекрытием – четырехметровой железобетонной крышей – залегал в глубине холма «блок» с кубриками для артиллеристов, с отсеками для дизель-электростанции; механическая мастерская с необходимыми станками, кают-компания, медицинский блок с лазаретами и операционной, снарядные и зарядные погреба, автоматическая система пожаротушения, камбуз, хлебопекарня, хранилища топлива, провизии, пресной воды. Здесь впервые была осуществлена механизированная погрузка и выгрузка боеприпасов в погреба. По боевой тревоге скоростные лифты поднимали оружейную прислугу из подземелья в броневые башни.

Особенностью 30-й батареи была потерна – почти километровый подземный ход, соединявший на глубине пятьдесят метров башни с командным пунктом. Такая же потерна была и на 35-й батарее. Шедевром советского фортификационного искусства называли эти батареи специалисты. Фабрикой артогня и подземными линкорами величали их сами батарейцы.

В истории 30-й и 35-й батарей, как в капле – нет, не воды, как в капле крови, – отразилась вся героическая трагедия Севастополя. «Подземная война», зародившаяся в минных галереях севастопольских бастионов, повторилась и приумножилась сообразно технической мощи XX века в казематах и потернах береговых батарей.

## РАСПОЛОЖЕНИЕ БЕРЕГОВЫХ БАТАРЕЙ У СЕВАСТОПОЛЯ В НАЧАЛЕ 1941 ГОДА

### ВООРУЖЕНИЕ БАТАРЕЙ

1. БС-10 - 4 x 230 мм
2. ББ-30 - 4 x 305 мм
3. БС-12 - 4 x 152 мм
4. БК-2 - 4 x 100 мм
5. БС-13 - 4 x 120 мм
6. БК-8 - 4 x 76 мм
7. БС-14 - 4 x 152 мм
8. ББ-35 - 4 x 305 мм
9. БС-18 - 4 x 152 мм
10. БС-19 - 4 x 152 мм





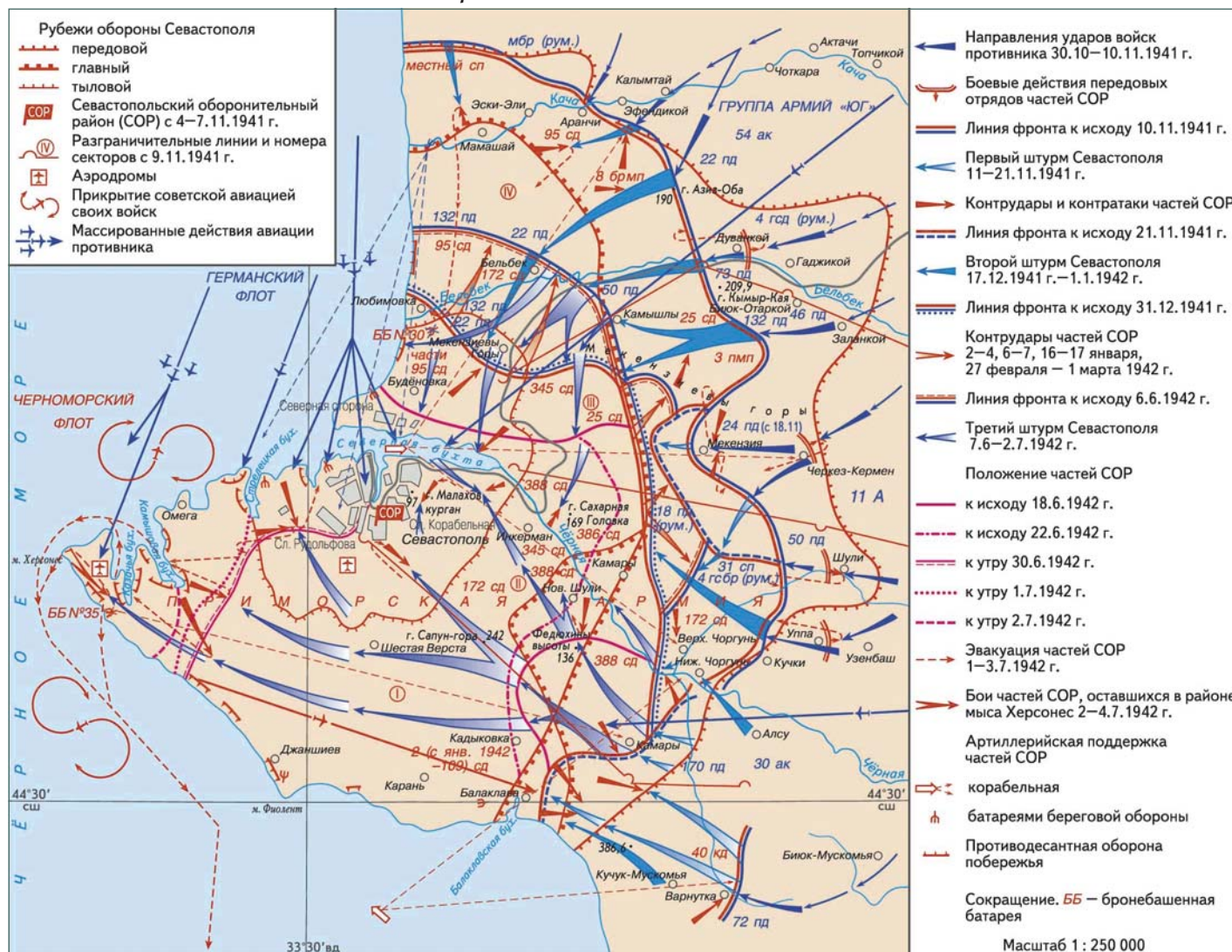
## ПЕРВЫЕ ЗАЛПЫ

Первые боевые выстрелы орудий 35-й береговой батареи прогремели 7 ноября 1941 года. Тогда еще оборона Севастополя только-только начиналась. «Тридцать пятак» била по Мекензиевым горам, где наступала немецкая 132-я пехотная дивизия. Взрывы тяжелых снарядов произвели весьма отрезвляющее действия и немецкие солдаты, привыкшие уже к стремительным победным марш-броскам, стали зарываться в землю.

За первые два месяца обороны батарея произвела более трехсот выстрелов на каждый ствол (при норме двести). Каналы орудийных стволов были сильны изношены. Надо было менять огромные семитонные стволы. Даже в мирное время — это весьма непростая работа, а под огнем противника она и вовсе невыполнима. Тем не менее 1 декабря 1941 года рабочие Артиллерийского ремонтного завода № 1127 во главе с бригадиром С.Прокудой взялись за дело. Начали с первой башни. Вторая же продолжала вести огонь.

И тут случилась беда. 17 декабря, когда немцы начали второй штурм Севастополя, во 2-й башне раздался мощный взрыв. Вспучилась броневая крыша, из образовавшихся щелей и орудийных амбразур повалил черный дым, орудия уткнулись — одно вверх, другое вниз. Внутри башни бушевал мощный пороховой пожар, в пламени которого сгорали заживо комендоры. Как показало потом расследование, на одном из орудий произошел затяжной выстрел: заряд воспламенился не полностью, а замковой поторопился открыть замок и лежащий на лотке новый заряд вспыхнул со всей мощностью сорока пяти килограммов пороха. Погибло около сорока человек. Их похоронили в тылу батареи. Сегодня там поставлен мраморный памятник.

Оборона Севастополя в 1941 - 1942 гг.



Теперь надо было браться и за вторую башню. На замену стволов и восстановление механизмов ушла всего два с половиной месяца — рекордно короткий срок для ликвидации таких повреждений. Этот трудовой подвиг совершили рабочие Севастопольского Морского завода имени С. Орджоникидзе.

Всякий раз, когда я заводил с кем-либо речь о 30-й или 35-й батареях, разговор начинался с легенд. Будто бы на «тридцатую» под носом у немцев провели железную дорогу и доставили новые орудийные стволы взамен поврежденных. Будто бы паровоз сошел с рельсов, и матросы подняли его на руках. Будто бы теми же краснофлотскими руками — без подъемных кранов — меняли 50-тонные трубы стволов. Будто бы специально для того, чтобы уничтожить обе батареи, немцы пригнали из Германии сверхмощные мортиры («карлы»), калибр которых вдвое превышал калибр башенных орудий. Будто бы, когда кончились боевые снаряды, в ход пошли учебные — невзрывающиеся — болванки. Прямое попадание сбивало башню. Когда же кончились болванки, комендоры засыпали в стволы щебень и стреляли камнями, как картечью. Стало невозможно вылезать за камнями — палили одними зарядами, отбрасывая огненными «выдохами» наползающую пехоту. Сожгли последний полужаряд, но оставался еще сжатый воздух для продувки стволов. «Воздушные залпы» тоже разили: у вражеских солдат, попавших в «конус» такого выхлопа, лопались глаза и рвались легкие...

Воистину батарейцы вели бой до последнего вздоха.

Из легенд не вырастают факты. Но факты могут становиться легендами. Все эти «будто бы» превратились для меня в факты, едва я прикоснулся к документам, едва я встретил уцелевших очевидцев и участников...

Да! Это все было! Была железная дорога, проложенная на передовую, была и каменная картечь, были рукопашные бои в потерне, была невероятная смена 50-тонных орудийных стволов. Обе батареи долгие годы были затаенной гордостью Севастополя.

Фельдмаршал Манштейн бросил на захват форта «Максим Горький» (так называли немцы бронешашенные батареи) около полка пехоты, два саперных батальона, штурмовую артиллерию, танки...

— Переброска тяжелых метательных установок типа «Карл» в район Севастополя, — помечал в своем дневнике начальник Генерального штаба сухопутных войск генерал-полковник Гальдер. — Майор Шнейдер доложил об использовании управляемых на расстоянии штурмовых и наполненных взрывчаткой машин под Севастополем».

Последний бой 30-й батареи береговой обороны в Севастополе, худ. И Дементьев





Не довольствуясь 600-миллиметровыми «карлами», Манштейн требовал, чтобы под Севастополь пригнали самую мощную за всю военную историю пушку – 800-миллиметровую «Дору». «Чудо германской техники» обслуживало полторы тысячи человек под командованием генерала.

Фельдмаршал Манштейн надеялся, что семитонные сверхснаряды разворотят стены неукротимого форта – 30-й батареи. Впрочем, фельдмаршалом Манштейн стал чуть позже, 1 июля, положив в последнем штурме полтора десятка тысяч солдат и оставив на севастопольской земле свыше 250 сгоревших танков.

Я долго искал оставшихся в живых батарейцев. Повезло в Москве. Счастливый случай свел меня с бывшим горизонтальным наводчиком краснофлотцем Иваном Фединым. Не один вечер просидели мы вместе.

– «Дора» вела прицельный огонь именно по нашей – 30-й батарее... В десять часов утра сигнал «Боевая тревога» собрал нас всех по местам. Но вместо привычных команд о снарядах-зарядах-прицелах был отдан небывалый до сего времени приказ: «Отбой! Все вниз!».

Мы посыпались из башен, как горох из опрокинутой банки...

Мощный взрыв рванул на броневой крыше второй башни. Те, кто еще спускался оттуда, попадали без чувств: из ушей текла кровь, комендоров рвало, от сильной контузии они потеряли речь и слух. Пострадавших немедленно отправили в лазарет.

А мы гадали – что там так грохнуло: авиабомба? Снаряд?

Но тут объявили по трансляции, что нас обстреливает сверхмощное орудие. Оно выпустило по нам двадцать два снаряда с интервалом в восемь минут. Каждый выстрел сопровождался глухим подземным толчком, а разрывы со страшным грохотом сотрясали весь железобетонный массив.

Кое-где появились трещины. Тут и неверующий Богу взмолился! Но больше материли немцев, чем молились. Я, чтобы не смотреть в потолок и не думать, выдержит перекрытие или нет, отправился в машинное отделение. Там под потолком были полки с художественной литературой. Нашел книгу Лермонтова «Вадим» и стал читать с превеликим интересом.

А по трансляции во время обстрела крутили веселую пластинку:

А лаптищи-то на ем

Черт по месяцу плел...

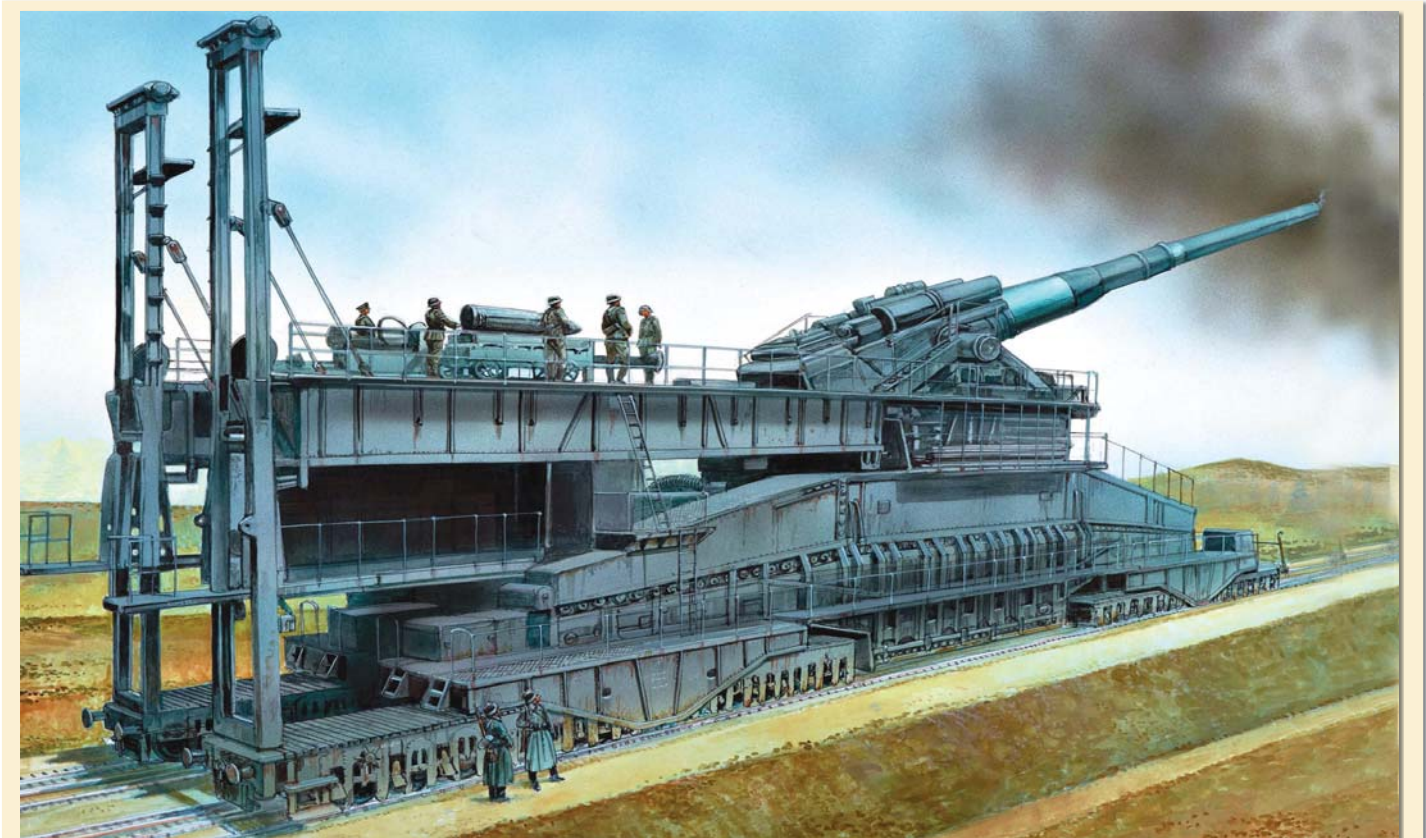
Четырехметровое боевое перекрытие выдержало.

### Справка историка

«Дора» (орудие было названо в честь жены главного конструктора фирмы «Крупп») имела калибр 807 миллиметров, а ее бетонобойный снаряд весил 7 тонн (то есть, примерно как легкий танк). К пушке было приписано 250 человек расчета, 2,5 тысячи человек дополнительного персонала и 2 батальона ПВО. Третьему рейху это чудо инженерной мысли обошлось в 7 миллионов рейхсмарок (для сравнения: в 1941 году основной танк Вермахта Pz. III стоил около 120 тысяч рейхсмарок).

Под Бахчисараем для орудия сделали углубление в скале, к которому проложили железнодорожную ветку. В течение четырех недель 2,5 тысячи рабочих готовили позиции для «Доры», были подготовлены ложные огневые точки и построена станция для приема орудия. Манштейн писал: «Прибыла знаменитая пушка «Дора» калибра 800 мм. Это было чудо артиллерийской техники. Ствол имел длину порядка 30 метров, а лафет достигал высоты трехэтажного дома. Потребовалось около 60 железнодорожных составов, чтобы по специально проложенным путям доставить это чудовище на огневую позицию».

В начале июля 1942 года для корректировки стрельбы «Доры» в воздух подняли аэростат, и несколько локомотивов выкатили орудие на боевую позицию. Ударная волна при выстреле была такой силы, что укрытие для расчета пришлось устроить за несколько сотен метров от орудия. По свидетельству очевидцев, после залпа «Доры» железнодорожное полотно уходило в землю на 5 сантиметров, а за три километра от орудия на столе подпрыгивала посуда.



Что же получила Германия, вложив столько сил и средств в это сверхмощное оружие?

В своих мемуарах фельдмаршал Манштейн отмечает:

«В целом расходы, несомненно, не соответствовали достигаемому эффекту. Фюрер был крайне недоволен применением и результатами стрельбы «Доры», ведь он требовал уничтожить ДОТы Севастополя, а не стрелять по складам».

Тяжелый снаряд «Доры» зарывался в грунт на глубину около 12 метров, детонировал, и земля поглощала силу взрыва. Только в результате прямого попадания орудие могло разрушить железобетонное укрепление. «Дора» не обладала высокой точностью, и уничтожение склада боеприпасов оказалось единственным успехом орудия под Севастополем. «Столбы дыма от взрывов поднимались на высоту 160 метров, однако ни одного попадания в броневые башни достигнуто не было, точность стрельбы орудия-монстра с дистанции почти тридцать километров оказалась, как и следовало ожидать, весьма невысокой», — писал Манштейн. После восьмидесяти выстрелов ствол пушки признали сильно изношенным и отправили на ремонт.

Изношенностью стволов страдали и орудия бронебашенных батарей, с которыми вела дуэльную стрельбу «Дора». Краснофлотец Иван Федин вспоминал:

– Стреляли мы много, износ стволов был такой, что последние снаряды улетали, хлобыстая по воздуху, будто подстреленные птицы. Но как выдернуть стволы и поставить другие? О кране не могло быть и речи. Он торчал бы, как каланча, и немцы тут же его сбили... Решили в первую очередь восстановить железнодорожный путь, чтобы к батарее смог подойти паровоз с платформой. А уж как ствол с нее сгружать — видно будет... Ночью на малом пару, чтобы не сыпались искры, подошел паровоз со стволами из линкоровских запасов. Пригнали и два гусеничных трактора ЧТЗ. Они-то и выдергивали из амбразур старые стволы, а потом по подкладкам из шпал подтягивали новые. От перегрузки у тракторов вылетали из выхлопных труб огненные факелы. Немцы тут же открывали огонь... К утру работы прекращались, трактора укрывались под порталом южного входа, а ночью мы опять брались за рычаги домкратов, ваги, кувалды... Тех, кто пытался «сачковать», обзывали «вторым фронтом»: «Что стоишь, тудить твою, как Англия! Руками берись!».

Бывало, попадешь по делам в город, а мальчишки обступят: «Дяденька, починили тридцатую?» — «Что за черт, на лбу у меня не написано, кто я и откуда...» — «На лбу не





35-я бронебашенная батарея ведет огонь по противнику

написано, дяденька, а вот на противогазе – бирка!». Вот бестии глазастые... Весь город ждал, когда мы, наконец, жахнем. Мы молчали до поры. А потом врезали – по эшелонам в Бахчисарае. Говорят, дымище видели аж с турецкого берега...

В июне 1942 года 35-я ББ вела массированный огонь по германским войскам. После того как оказалась в окружении и была взорвана 30-я береговая батарея, 35-я ББ оставалась единственным резервом тяжелой артиллерии Севастопольского Оборонительного Района (СОР). Противник наносил по ее территории мощные авиационные удары.

За решающий вклад в дело героической обороны Севастополя Приказом НК ВМФ № 138 от 18 июня 1942 года 1-му отдельному артиллерийскому дивизиону Береговой обороны Черноморского флота, в состав которого на тот период входила 35-я бронебашенная батарея, было присвоено гвардейское звание.

\* \* \*

30-я и 35-я батареи долгие годы была затаенной гордостью Севастополя.

250 дней обороны города 35-я батарея оставалась для врага неуязвимой.

В ночь на 30 июня 1942 года на батарее оставалось всего шесть шрапнельных снарядов. Расстреляв весь боезапас войны, по приказу командования, в ночь на 2 июля взорвали батарею. Только к 12 июля немецким солдатам удалось занять все помещения батареи, но отдельные группы наших бойцов, укрывавшиеся в самых неожиданных местах, продолжали оказывать сопротивление еще до 17-го июля.

Когда немцы ворвались в Севастополь, командование Приморской армии и Черноморским флотом, укрылось под многометровой толщей 35-й батареи. Она стала своего рода бетонным ковчегом. Сколько людей пытались укрыться на палубах в отсеках подземного дредноута! Здесь же не покладая рук работали и хирурги батарейного лазарета, переходя от одного операционного стола к другому, как это делают мастера-конвейерщики. В своих окровавленных халатах они меньше всего походили на врачей...

Сюда, на последний клочок непокоренной земли ринулись из города грузовики, повозки, все, что могло двигаться на колесах и ногах. Сотни «полторок», легковушек, автобусов стояли на краю обрыва радиаторами к морю. Ехать дальше было некуда. Люди

верили, что за ними придут корабли и доставят их на Большую Землю – в Новороссийск. Но судьба их была предрешена... Адмирал Октябрьский заявил «не дам больше топить корабли». Командующий Юго-Западным фронтом маршал Буденный подтвердил: «Эвакуации из Крыма не будет».

А ведь люди стояли на обрывах тысячами, вглядывались в ночной горизонт – не мелькнет ли где огонек спасительного корабля...

Район 35-й батареи стал последним рубежом обороны Севастополя, где с яростью обреченных дрались до последнего бойца Приморской армии, краснофлотцы Черноморского флота. Немецкие врачи, констатировали потом, что смерть некоторых их солдат наступила от того, что было перегрызено горло. Такое было только в сорок первом, под городком Зельва в Западной Белоруссии.

С одним из таких бойцов бывшим старшиной 1 статьи Николаем Букатиным я свел дружбу в Севастополе. Рассказывал он то, что не придумал бы ни один романист...

...Остатки Приморской армии были прижаты к высокому каменистому обрыву, под которым пенилось море. Еще с неделю держали они оборону на клочке суши. Окопчики в белом камне удавалось выдалбливать только для стрельбы лежа. Степная трава была выбрита осколками. Самолеты били по кручам обрыва, чтобы рушившиеся глыбы погребали под собой раненых и тех, кто укрывался внизу. Букатин знал, что бомбы, летящие прямо на тебя, неопасны – их пронесет по траектории мимо, – и потому при бомбежках зря не дергался. За год войны в двадцатилетнем парне, которому бы никто не дал младых его лет, выработалось звериное чутье опасности подлинной и мнимой. Именно оно спасло его.

Немецкий пулеметчик развлекался: пристрелял колодец так, что давал подползти, набрать воды, дырявил сначала котелок, а потом голову. Жажда сводила с ума, и Букатин пополз к аэродромному колодцу, пятым или шестым по кровавому следу. Он принес-таки целое соковище – два литра живой воды.

Генерал Врангель эвакуацию своих войск из Крыма провел так, что не оставил противнику ни одного раненого. Фельдмаршал Манштейн в 44-м году тоже сумел вывезти из Крыма морем большую часть своих войск. А вот Октябрьский... улетел на самолете. Свои же бойцы стреляли ему вслед, посылая вместе с пулями проклятия.

Мыс Фиолент, руины 18-ой батареи, июль 1942 г.







Пленные защитники Севастополя, июль 1942 г.

– Кто сказал, что питьевая вода пресная? – спрашивал меня Букатин. – Сладкая она, понимаешь? Сладше воды нет ничего на свете!..

В полутора метра от мушек их винтовок были немцы, и прямо от каблуков матросских ботинок берег отвесно обрывался в море. Их было немало на том последнем рубеже – остатки Приморской армии, – восемь месяцев не сдававших Севастополь. Давно взлетел с Херсонесского аэродрома и ушел на Большую землю последний самолет. Давно опустели бухты и внешний рейд, а они все ждали кораблей. Уверяли друг друга, что нынешней ночью всплывут подводные лодки и заберут, снимут их с адовой кромки...

Вдруг по цепи пролетел слух: наши корабли вернулись в Балаклаву. Ринулись туда, но попали под жестокий минометный обстрел... Кораблей в Балаклаве не было.

– Брали нас в плен в Казачьей бухте. Без патронов... В строй по четыре человека. Погнали через город, шаг в сторону – расстрел на месте. Рядом со мной моряк шел. Бок ободран до белых ребер. Девушка идет с ним, плачет: «Дяденька, дай я тебя перевяжу!». А он ей: «Какой я тебе дяденька! Одногодки мы с тобой».

Шли через Лабораторную балку, аккуратно против моего дома, где сейчас живу. Подходит к моряку румын-конвоир. Шасть к нему в противогазную сумку, сало вытащил. Кусанул, а то мыло. Ну, он морячка тут же из автомата...

Ах ты, гадина! Да я ж твою рожу на всю жизнь запомню! Со дна моря достану!..

Гнали нас без воды по скалам до Бахчисарая. Затем через Симферополь в Джанкой – в лагерь. Там дизентерия. Кровавый понос. Амба. Загибаюсь. Спасибо, армеец выручил: соль при нем была. Натряс из гильзы пороха, смешал, дал выпить – как рукой сняло.

В Джанкое выбрали всех моряков и отправили в Днепропетровск – в спецтюрьму. Там бандеровцы, сволочи, мордовали: «Если б вы Севастополь двести пятьдесят ден не держали, немцы бы давно большевиков сломали, хорошо бы уже жили!». Матросов они били особенно...

В сорок четвертом повезли в Польшу. Ну, думаю, завезут – хана. В Белоруссии выгрызли в вагоне пол, на шпалы попрыгали – и в лес. Наткнулись на войсковую разведку. А там в армию к Коневу...

Сдержал краснофлотец Букатин все свои страшные клятвы – за Севастополь, за грузина-батареяца, за моряка с ободранными ребрами, за плен. Дрался так, что произвели его в офицеры – младшие лейтенанты.

Как ни трагична была обстановка, но случались и забавные вещи.

**Из письма домой военфельдшера Михаила Смирнова, командира санитарного взвода:**

*«На фронте давали нам по 100 грамм водки. И мои санитары их похитили. Но однажды нам вместо водки выдали шампанское. Бутылки без этикетки, из Италии их брали. Выдавали по 200 граммов.*

*- Товарищ командир, шо це такое?*

*Украинцы у меня были. Все на меня смотрят. Никто из них понятия не имел о шампанском, из глухих деревень набрали. Но я и сам его тоже не пил никогда.*

*- Знаете, какое это вино? Его буржуазия пила.*

*Первую бутылку начинают открывать... Хлоп! И все содержимым вылетело. Ездовой, ему почти по 50 лет было, говорит:*

*- Следующую бутылку не открывайте. Подождите.*

*Ушел. Принес ведро, и которого он свою лошадь поил.*

*Говорит:*

*- Бутылку открывайте в ведре, чтоб не пропала ни одна капля.*

*Так и сделали. Когда пена улеглась, принесли солдатские кружки. И никто не возражал, что гермаем из ведра, из которого только то лошадь пила. Подают мне первую кружку:*

*- Командир, сказал, что буржуазия пила, вот и пей первым.*

*И все смотрят на меня. Я думал, что шампанское – это сладкое приятное вино, мне где-то кто-то когда-то говорил. «Пью и думаю: «Елки-палки – что это такое? Совершенно не вкусно! Кислятина». Наверное, это был брют. Увидели мою рожу.*

*- Что же вы нас обманываете? Сами не пьете, а говорите, что это буржуазное...*

*Допили или нет, я не помню. А мы это вино еще и на раненых похитили. Куда они его девали, не знаю. Потом-то я научился шампанское пить. А к водке так и не привык».*



Да, так оно и было: воды на 35-й батарее катастрофически не хватало, привозили из штолен шампанское, заправляли им пулеметы, стирали в нем бинты. И даже кашу варили...

В последние дни обороны в штурме подземной твердыни участвовали и итальянские морские диверсанты из одиозной 10-й флотилии МАС князя Боргезе. Высадившись на катерах с моря, они пробрались по карнизам обрывистого берега к окнам воздуховодов, через которые под «массив» поступал свежий воздух. Влезли в узкие невысокие коридоры, прошли в помещение фильтров, где лежали раненые, и оттуда начали атаку.

В потернах и подземных галереях завязался жестокий бой. Но батарея все-таки выбили захватчиков. Напоследок итальянские диверсанты забросали воздуховоды дымовыми пашками.



## ПРИКАЗАНО НЕ ПОМНИТЬ!

С 35-й пытались эвакуировать только высший и старший комсостав – от командиров полков и выше, но неподготовленная отправка на Большую землю привела к гибели людей на временных причалах, наспех построенных в Голубой бухте. Морское дно до сих пор хранит следы тех кровопролитных дней. Уходишь здесь под воду с аквалангом и как будто погружаешься в то страшное лето 1942 года... Неизвестные солдаты... Неизвестные подвиги... Море умеет хранить военные тайны. Море помнит то, что забыли люди... А люди не хотели помнить то, о чем и сейчас трудно рассказывать. Приказано было не помнить. Цензоры вычеркивали из рукописей все, что касалось хоть каких-либо подробностей о той июльской трагедии.

Даже в мемуарах Жукова о Севастополе мы найдем всего два абзаца: «Войска оставили город...». Точнее было бы сказать, это не город, а войска оставили без командования, без снабжения и эвакуации. Еще точнее – бросили их на произвол судьбы и усмотрение генерала Манштейна, его солдат и крымских полицаев.

Тем временем оставшиеся командиры продолжали командовать сражающимися полками и бригадами. Был заново создан Военный совет оборонительного района, куда вошел и начальник артиллерии Молдавской стрелковой дивизии полковник Дмитрий Пискунов. Он был среди тех немногих, кто держался до последнего, кто по-настоящему был верен своему воинскому долгу. В плен попал раненым, вместе с тысячами таких же, как и он, стоявшими до последнего патрона.

Сегодня никто точно не скажет, сколько дней и ночей после официального прекращения обороны сражались предоставленные самим себе войска. У мыса Фиолент отчаянно бился прижатый к морю полк пограничников под командой полковника Рубцова и батальонного комиссара Смирнова.

*Атака на батарею в Севастополе, худ. Х. Джеррард*



*Начальник штаба береговой обороны полковник И.Ф.Кабалюк*

Оставшийся в живых боец этого полка сообщал:

«Мне пришлось пробираться через шквальный огонь противника. Дошел до армейского обоза в районе 35-й береговой батареи, у которой находилось много свезенного и брошенного автотранспорта. Обслуживающего персонала на месте не оказалось. Все ушли к берегу в ожидании посадки и эвакуации. Начал поиск и нашел среди многих машин исправную, грузовую, груженную боезапасом – патронами к автоматам и, сам сев за руль, на большой скорости прорвался к Рубцову. Он обнял меня и сказал, что представит к правительственной награде».

Вспоминает участник тех боев капитан Николай Головкин:

«После получения ответа из штаба дивизии Рубцов собрал оставшихся в живых командиров штаба и батальонов и доложил сложившуюся обстановку и приказ из дивизии. Потом Рубцов сказал так: «Товарищи, мы сейчас окружены. Жить или умереть. Но нам во что бы то ни стало надо прорваться к 35-й батарее и занять там оборону. Так нам приказано. После этого уничтожили радиостанцию. Были собраны все командиры и бойцы полка, в том числе бойцы и командиры из других частей и подразделений, оказавшихся в районе мыса Фиолент к началу июля. Из всех них был организован сборный полк, куда вошли и раненые с оружием и без него. ...Когда прошли 1–1,5 км и начали молча ползти к вражеским позициям, неожиданно со стороны 35-й батареи были услышаны крики «Ура». Вероятно, какая-то наша группа от 35-й батареи предпринимала попытку прорыва в горы, к партизанам. Услышав эти возгласы «Ура», командир полка подполковник Рубцов поднялся в рост и скомандовал: «Вперед, братцы, за родной Севастополь! Ура!» Бойцы и командиры бросились в атаку. ...Понесся большие потери, остаткам полка пришлось отступить. Раненые в этой атаке, полковник Рубцов и батальонный комиссар Смирнов, чтобы не попасть в плен, застрелились».

Так сражались те, кто остался в районе 35-й батареи, ставшей бетонной Голгофой Приморской армии. По-разному вели себя и командиры из числа тех, кому выдали посадочные талоны на эвакуацию. Начальник штаба Береговой обороны полковник Иван Филиппович Кабалюк, шедший вместе с другими в очереди на подводную лодку, развернулся и пошел назад: «Никуда я не пойду! Остаюсь на Батарее. Уж если погибну, так со своими!»

Он сложил голову на батарее 2 июля.

### Справка историка

1 июля 1942 года. 01 ч. 00 мин.

Вице-адмирал Октябрьский (в гражданском плаще и засаленной кепке в целях маскировки), Кулаков, Кузнецов, Ермилов спускаются в подземный переход 35-й батареи и по правой подземной потерне переходят в правый КДП (командно-дальномерный пост) откуда под охраной спецгруппы «ОГ7» на автомашинах попадают на аэродром и в 01.30 на «СП-84» убывают в Краснодар.

01ч.30 мин. Военный Совет Приморской армии: И.Е. Петров, И.Ф. Чухнов, П.А. Моргунов, а также Н.И. Крылов, К.С. Вершинин и другие спускаются в подземный переход ББ-35 и по левой подземной потерне переходят на посадку в буксир.









## НРАВСТВЕННАЯ КАТАСТРОФА

**Н**аверное, я не должен об этом писать.. Скажут, ну вот — очередная дегероизация, принижение нашей боевой славы и многое другое в подобном же роде. Скажу в оправдание, что ореол героизма адмирала Октябрьского и так уже презрительно развенчан и в мемуарных книгах, и исследованиях историков, и в документальных фильмах. Не поредеют ряды севастопольских героев: вместо одного лжегероя появятся по меньшей мере три подлинных героя: генерала Новикова, полковника Пискунова, капитана 3 ранга Ильичева...

**И это по самой меньшей мере...**

Говорят, нельзя судить тех или иных деятелей с высоты нашего времени, с позиций тех знаний, которыми мы располагаем сегодня. Им в своих конкретных исторических обстоятельствах было виднее, как поступать. И это так. Нам из своего 2021 года не с руки судить тех, кто принимал решения в 1942 году. Мы и не судим. Но того же адмирала Октябрьского судят его современники, судят люди, которые воевали под его началом, и которых он бросил, а значит, предал. Судят его непосредственные начальники — главнокомандующий ВМФ СССР адмирал флота Советского Союза Н.Г. Кузнецов, Верховный главнокомандующий, наконец... И пусть не суд в прямом смысле этого слова, а всего лишь суждения о поведении Октябрьского в последние дни обороны Севастополя, но и они весьма нелицеприятны для адмирала, более того, на них можно было бы — будь на то воля вождя — построить вполне убедительное прокурорское обвинение.

Доказано с телеграфной точностью, что, сообщая в Ставку о положении Севастополя, адмирал Октябрьский в четыре раза занижил реальную численность оставшихся войск. Тем самым получил разрешение покинуть Севастополь. Когда же обман раскрылся, Сталин был взбешен.

Однако отдавать под суд адмирала не стал. То ли еще свежа была расправа над генералом Павловым, командующим рухнувшего Западного фронта, то ли посчитался с тем ореолом «севастопольского героя», которые увенчали центральные газеты Октябрьского.

Во всяком случае, вождь был взбешен: «Н-да, адмирала Нахимова из него не вышло!». Сталин убрал «героя» с глаз подальше — его отправили аж на Амурскую флотилию.

Адмирал флота Советского Союза Н.Г. Кузнецов, вспоминая события 30 июня 1942 года в Севастополе, писал: «Были ли приняты все меры к эвакуации? Этот вопрос мне приходилось слышать не раз. Вопрос о возможном оставлении Севастополя должен был стоять перед командованием флота, Главнокомандованием Северо-Кавказского направления, которому Черноморский флот был оперативно подчинен, и наркомом ВМФ. Все эти инстанции обязаны были заботиться не только о борьбе до последней возможности, но и о вынужденном спешном отходе, если этого потребует обстановка... Эвакуация оставшихся войск после третьего штурма Севастополя ждет еще объективного исторического анализа».

...Война закончилась. И когда счастливики, которым повезло вернуться из ада немецких лагерей, собрались в 1961 году в Доме офицеров флота на военно-историческую конференцию, они стали вспоминать вслух, как все это было.

Но когда полковник Пискунов попытался рассказать, как войска сражались после того, как командование покинуло Севастополь, через какие ужасы они прошли в плену, адмирал Октябрьский, сидевший в президиуме военно-исторической конференции, грубо одернул Пискунова: «Сядьте! И не надо нагнетать тут черных красок!».

Хватило же у него совести произнести эти слова перед десятками тех, кого он бросил на произвол судьбы! Как представишь себе эту картину, так от обиды за истинного героя, закипает ярость от чиновно-партийной кривды, увековеченной ныне в граните и бронзе. И вот тут уж мы имеем право судить флотоводца с высоты всех общевоевских понятий о долге, чести, достоинстве, общечеловеческой морали.

*Полковник Пискунов Дмитрий Иванович.  
(1901 – 1998)*

*Д.И. Пискунов был начальником артиллерии 95-й Молдавской стрелковой дивизии, в дни обороны Севастополя – начальником артиллерии 4-го сектора Севастопольского Оборонительного Района. Один из тех старших офицеров, кто остался защищать Севастополь после эвакуации из города командования СОР в начале июля 1942 г. 12 июля 1942 г. попал в плен в районе Голубой бухты. Участник антифашистского подполья. После войны жил в Москве.*

Один из тех, брошенных бойцов, краснофлотец Василий Крыжнюк, беззлобно сказал о нем так: «Ну, что ж их так воспитали...»

Предал своих солдат и матросов Октябрьский и после войны, когда из немецких лагерей их стали пересаживать в советские. В фильтрационно-проверочных пунктах следователи не верили их рассказам о последних боях за Севастополь.

– Ведь вот же, – говорили они, – Совинформбюро передало: «По приказу Верховного Главнокомандования Красной армии 3 июля советские войска оставили Севастополь и были эвакуированы на Большую землю». А вы, гражданин хороший, почему-то предпочли остаться, уклониться от эвакуации, сдаться в плен...

По такой логике и судили героев последних дней Севастополя, ссылали их на Север, на Колыму и прочие отдаленные места.

Тут бы адмиралу Октябрьскому и вступить за своих брошенных бойцов, написать в НКВД, мол, так-то и так, прошу моих севастопольцев не трогать, они попали в плен не по своей воле. Но не стал Октябрьский беспокоить серьезное ведомство своими письмами. Промолчал. Как бы самому не припомнили его бегство с осажденного полуострова.

И пошли защитники Севастополя мотать новые сроки...

Несколько лет назад из печати вышла книга подполковника Ивана Манюшина «Героическая трагедия». Не историк, офицер службы военных сообщений, честно и убедительно рассказал о том, что в реалии происходило в районе батареи в июле 1942 года; в ней были названы фамилии полковника Пискунова, генерала Новикова, полковника Кабалюка, капитана 3 ранга Ильичева и других истинных героев севастопольской страды.

«К сожалению, – пишет Манюшин, – в сообщении Совинформбюро отсутствовала полная информация об эвакуации Приморской армии, подразделений Береговой обороны Черноморского флота. Долгие послевоенные годы этот вопрос замалчивался. Каких-либо

*Генерал-майор Петр Георгиевич Новиков  
(1907 – 1944)*

*В октябре 1941 года Новиков был назначен командиром 109-й стрелковой дивизии. В этой должности он принимал участие в обороне Севастополя. Когда главную базу Черноморского флота перевели в Новороссийск, был назначен вторым по рангу командиром Севастопольского оборонительного района (СОР) (после генерала И. Е. Петрова). 2 июля группа сторожевых катеров, на которых эвакуировался Новиков со своим штабом, была перехвачена немцами торпедными катерами. Генерал-майор Новиков попал в плен. Был переправлен в Германию и помещен в офицерский концентрационный лагерь Хаммельбург, где руководил тайной организацией. В конце 1942 года по доносу одного из предателей он был переведен в концентрационный лагерь Флоссенбург, где в 1944 году был убит.*







*Подполковник Леценко Алексей Яковлевич (1906 – 1970)*

*Командир 35-й береговой батареи крупного калибра. Оставшись заместителем по береговой обороне генерала Новикова, который возглавил остатки обороны после бегства командования флотом, майор Леценко собрал бойцов, находящихся в районе батареи, и держал оборону с ночи 30 июня. 1–2 июля, когда закончились боевые снаряды, командир батареи приказал вести огонь в упор прямой наводкой практически снарядными. В ночь на 3 июля, руководя отходом личного состава, Алексей Леценко был снова ранен. В бессознательном состоянии краснофлотец погрузили своего командира на один из последних морских охотников, на котором он был эвакуирован в Новороссийск.*

серьезных исследований о последних днях обороны Севастополя не проводилось. В то же время обзор многочисленных изданий по обороне Севастополя 1941 – 42 гг. показал, что они в своем большинстве, за немногими исключениями, лишь частично освещают трагические события последних дней Севастополя. Согласно свидетельствам участников обороны Севастополя последних дней, большинство которых попало в плен в июльские дни на Херсонесском полуострове, данным, сообщенным вице-адмиралом Ф.С. Октябрьским в мае 1961 года на военно-исторической конференции в Севастополе и немецким архивным данным, Приморская армия и части Береговой обороны флота... были оставлены сражаться до последнего и в количестве около 80 тысяч человек, значительную часть которых составляли раненые, по исчерпанию боеприпасов попали в плен».

Вот об этом, о последних днях Севастополя не хотели помнить ни адмирал Октябрьский, ни его высокие покровители. Слишком уж неприглядная получалась «история». А руины 35-й батареи безмолвно, но очень зримо напоминали не только о героизме защитников, но и о нравственном падении их командующего.

В 1965 году страна отмечала 20-летие великой Победы. Под эту дату возникло целое созвездие новых Героев Советского Союза. Не забыл хитроумного адмирала и Леонид Ильич Брежнев, который воевал на «Малой Земле» под Новороссийском. Ведь десант высаживался с кораблей Черноморского флота, а Черноморским флотом командовал тогда адмирал Октябрьский. Так вот и засияла на мундире «севастопольского героя» Золотая Звезда. В праздничном благодушии не стали ворошить прошлое и вспоминать о бегстве «героя» на «дугласе». Да и Главкомандующий ВМФ СССР адмирал Кузнецов был к тому времени уже не у дел.

А вот полковник Пискунов свой кровный орден, к которому был представлен в 42-м году командованием Приморской армии («за боевые и организаторские заслуги в деле обороны Севастополя»), его он так и не получил, не получил только потому, что угодил в плен. И медаль «За оборону Севастополя» не получил. По той же причине.

Октябрьский же в плен не угодил, успел улететь.

Ему и севастопольскую медаль вручили, и улицу в городе-герое его именем назвали...

## СВЕЧИ И ЗВЕЗДЫ

После войны 35-ю батарею не восстанавливали, однако часть ее сооружений (правое крыло блока 2-й башни и правый командный пост) с 1945 по 1960 год использовались береговой батареей № 723, ее 130-мм орудия стояли среди исторических руин. Благодаря тем батареям внешний вид укрепления сохранился для нас практически в нетронutom виде. В 1988 году в правом командном пункте 35-й батареи была оборудована сейсмологическая лаборатория Симферопольского госуниверситета, которая действует до сих пор.

Была проект использовать подземные помещения 35-й батареи под емкости для хранения ядовитых отходов. Проект не прошел, но в Голубую бухту – морскую братскую могилу – вывели трубы городской канализации. Но самую большую угрозу святому месту нанесли охотники за металлом, которые срезали броневые двери, заслонки и прочие стальные конструкции.

Но тут вышла в свет книга Ивана Маношина «Героическая трагедия», включившая в себя воспоминания и письма, оставшихся в живых защитников. Она, как удар в колокол, пробудила интерес краеведов, поисковиков, историков, да и просто севастопольцев к 35-й батарее. На ее заброшенной территории стали проводить встречи ветеранов, приуроченные к 3 июля – дате официального окончания обороны Севастополя.

Однако «тридцать пятку» в покое не оставляли. Следом за «металлистами», охотниками за «ничейным» металлом, началась атака на батарею со стороны дачников, которые готовы были застроить всю эту политую кровью, нашпигованную солдатскими костями землю своими виллами, пансионатами, мини-отелями, гостиницами для курортников. Происходило это в те времена, когда Крым входил в состав Украины, и застройщиками, владельцами многих участков были весьма влиятельные люди – сотрудники СБУ, службы безопасности Украины. Увещевать их, бороться с ними было безнадежно – всем хотелось иметь дом с видом на море. И тем не менее, капитан 1 ранга в отставке Валерий Иванович Володин, чей отец врачевал раненых в лазарете 35-й батареи, повел борьбу с нашествием «манкуртов», людей без исторической памяти. Он писал статьи, будоражил общественное мнение, выступал, доказывал, обличал... Почти год Володин и другие активисты ходили по кабинетам чиновников, собирались на митинги, и вот результат: городские власти издали указ о создании зоны исторического наследия на территории руин 35-й батареи, и кое-кого из самых рьяных «самозахватчиков» обязали перенести свои заборы подальше от святых руин.

В 2006 году Севастопольским горсоветом были выделены земли под создание Мемориального комплекса. Однако работы по разработке проекта и его претворению в жизнь взяли на себя не государственные структуры, а частные предприятия, и, прежде







*Один из героев Русской весны  
Алексей Чалый*

всего, компания «Таврида-электрик», возглавляемая коренным севастопольцем, будущим героем Русской весны Алексеем Чалым.

В строительстве музея приняли участие тысячи людей – специалистов различных профессий. Для объединения их было создано «Учреждение объединения граждан «35-я Береговая батарея». Добровольцы привели в порядок казематы 35-й береговой батареи, возвели Пантеон Памяти, Некрополь, памятник комендорам, погибшим при взрыве 2-й бронебашни.

С первых же дней строительных работ началась научно-исследовательская работа по поиску и идентификации погибших защитников Севастополя. В течение последних лет список найденных установленных имен последних защитников батареи и полуострова рас-

ширился до 40 000 человек. Были найдены, частично опознаны и захоронены останки более ста шестидесяти защитников Севастополя (из них пятеро детей).

И вот настал долгожданный день: 3 июля 2008 года был открыт первый экскурсионный маршрут – силовая станция, оружейный блок 2-й башни, кубрик, лазарет, кают-компания, каюты командира и комиссара батареи... Тогда же состоялось освящение часовни во имя архистратига Михаила.

*Часовня Михаила Архангела в Севастополе*



## 35-я БАТАРЕЯ. ВЗГЛЯД ИЗ-ПОД ВОДЫ



Одна из галерей батареи ведет к воздухозаборному отверстию, размером с добрые ворота. Он же предназначался и для аварийного выхода из «подземного линкора». Именно через этот квадратный проем и пытались проникнуть под бетонный массив итальянские диверсанты. Сегодня сюда приходят экскурсанты, и с большим интересом выглядывают из «ворот», из которых с высоты трехэтажного дома видна морская ширь, чьи волны бьются о скалы под обрывом береговой кручи. А в прозрачной воде под каменными карнизами видны смутные очертания подводных валунов, бетонных обломков, железных труб... Вот так стояли мы однажды с приятелем Сергеем Бондаревым, а потом решили исследовать прибатареиную акваторию под водой – в аквалангах или просто масках. Глубины небольшие, плывешь, не погружаясь, и сверху многое открывается...

Первым делом мы наткнулись на мертвый якорь близ островка, по которому был в 42-м году проложены дощатые мостки пирса. Сюда подходили катера, чтобы принимать тех, кому посчастливилось попасть на борт спасателей. Видимо, якорь был зацементирован для придания большей прочности растяжек, державших пирс. Отсюда пытались эвакуировать старший комсостав, но неподготовленная отправка на Большую землю привела к массовой гибели людей на временных причалах, построенных наспех в Голубой бухте. Теперь этот якорь был немым свидетелем той давней трагедии. Он буйно зарос водорослями, но все же проглядывалось массивное веретено со скобой. Сфотографировали со всех ракурсов, а потом поплыли дальше, ближе к отвесной стене с аварийным выходом. И тут наткнулись на три крупнокалиберных (302-мм) снаряда, засекли их места и вернулись в исходную точку... Так родилась идея подводно-поисковой







экспедиции, и каждый год, обычно в сентябре, мы, костяк Экспедиции, ее постоянный состав собираемся в Голубой бухте. В каждый сезон с нами работают и добровольцы, которым дорога память о войне, погружаются и сотрудники музея.

Морское дно до сих пор хранит следы тех кровопролитных дней... Уходишь в воду и как будто погружаешься в то страшное лето 1942 года, оно осталось там обросшим, мохнатым от ржавчины металлом. Казалось бы, все уже давно осмотрено и обследовано, но после каждого шторма море приоткрывает свои тайны: из-под камней и гротов вымываются все новые и новые «железяки»...

На счету нашей экспедиции уже немало военных артефактов: обнаружены и снаряды, минометный ствол, якорь, колеса грузовиков той поры, танковый каток... А в 2020 году нашли остов легкового автомобиля, по всей вероятности немецкого, который оказался в море скорее всего в мае 1944 года, когда на этом же берегу скопилось немало немецких солдат, ждавших эвакуации.

А вот в этой бухте – своя трагедия. Она называется Конской, и в этом названии – судьба севастопольских лошадей. Их было немало в июле 42-го на этих берегах. Чтобы кони не достались врагу, их сбрасывали с береговых круч на скалы. До сих пор в бухте Конской находят конские кости.

Часть наших находок уже нашла место в экспозиции музея 35-й батареи. Но кое-что из обнаруженного нами на грунте, уже исчезло, поэтому мы добиваемся, чтобы здешняя акватория была объявлена историко-мемориальной зоной, и чтобы то, что там еще осталось, не расхищалось «черными дайверами» и охотниками за металлом. Сама Экспедиция ничего не поднимает. Мы только фиксируем на фото и видеокамеры подводные находки, наносим их на карты. Верим, что когда-нибудь здесь будут проложены маршруты для тех, кому дорога наша история. Снаряжение нехитрое: маска, ласты, подводный фотоаппарат...

Экспедиция работает в тесном контакте с музеем 35-й батареи, с севастопольским Морским собранием, с городским отделением ОО «Офицеры России», а также в сотрудничестве с частным клубом аквалангистов «Дип таун», который оказывает нам информационную и техническую поддержку. Работаем не только под водой. Формы исследования самые разные - от опроса местных рыбаков и дайверов до изучения архивных документов. Так удалось выяснить, что в трехстах метрах от пляжа Голубой бухты лежит немецкая донная авиационная мина, а несколько севернее ее на том же удалении от берега покоятся на грунте транспортное судно и носовая часть самолета с винтом, сбитого в 1942-м году. Все это – наше историческое наследие. Все это требует изучения, законодательной защиты и действенной охраны.

Благодаря содействию Экспедиции, ее выступлениям в средствах СМИ удалось спасти и передать в музей Холодной войны (Балаклава) сверхмалую подводную лодку АС-10, ржавевшую на грунте Казачьей бухты.

Среди приоритетных проектов Экспедиции поиск, а затем подъем силами МЧС башнеподобной мачты линкора «Новороссийск» в районе Госпитальной стенки в Северной бухте, а также подводный поиск военно-морских артефактов в районе разделки линкора в Казачьей бухте. Но все же главное внимание – акватории 35-й береговой батареи.



\* \* \*

Бродишь по подземным коридорам-потернам, спускаешься по железным трапам в нижние этажи, гладишь ладонями обрушенные взрывами бетонные глыбы и на память приходят слова известного французского историка Г. Ленорта: «Не впитывают ли камни частицу жизни тех существ, которым дают приют? Не позволительно ли думать, что некий флюид от прежних обитателей струится долго спустя после того, как их самих уже нет в этих стенах? Если нет, тогда откуда же эта притягательная сила вещей? Как объяснить, что именно здесь, более, чем где-либо, устанавливается таинственное общение с прошлым?»

Но в еще большей степени это таинственное общение с прошлым ощущается в Пантеоне Памяти, на стенах которого увековечены 27 тысяч имен последних защитников Севастополя. У многих экскурсантов выступают на глазах слезы, когда под куполом Пантеона возникают десятки солдатских, матросских лиц, а потом превращаются в звезды вместе с поминальными свечами. И все это на фоне круговой панорамы места времен 1942 года.

Пантеон Памяти – это одно из самых впечатляющих сооружений мемориала.

Низкий поклон Алексею Чалому, достойному внуку севастопольского адмирала, и всем его соратникам, единомышленникам, которые совершили свой общий гражданский подвиг, отстояв горькую и гордую память о тех ребятах в касках, пилотках, бескозырках, ушанках, что полегли на 35-й, не оставив после себя ни имен, ни фотографий.

Еще в 1969 году у главного портала установили памятник, с более чем лаконичной надписью: «Героям 35-й батареи». Тогда и теперь это место воспринимается, как

*Пантеон Памяти на территории Мемориала 35-й батареи*







братская могила, в которой лежат многие все еще безымянные защитники. В июле сорок второго они уничтожали свои документы перед возможным пленом и вот остались без фамилий, без имен...

Мемориал мемориалом, но им, бойцам, пропавшим без вести здесь, на родной севастопольской земле, нужен особый памятник, трогавший бы самые глубинные струны души, как слова песни «Журавли»: «Мне кажется порою, что солдаты, с кровавых не вернувшихся полей, не в землю нашу полегли когда-то, а превратились в белых журавлей...». И такой памятник есть, точнее, есть проект его, сделанный руками заслуженного художника России Елены Безбородовой. Представляю, как смотрелись бы на фоне морской синевы бронзовые солдаты, идущие в штыковой бой, в свою последнюю схватку с врагом, и как превращаются они на ходу, на бегу – во взлетающих в небо журавлей... Хочется верить, что так однажды и станет.

\* \* \*

Казалось бы, в истории 35-й бронешашенной батареи поставлена достойная точка. Но у нее еще было особое предназначение: она сыграла важную роль во время «крымской весны» 2014 года. Сотрудники музея во главе с директором Валерием Володиным стали личной охраной народного трибуна Алексея Чалова, активно участвовали в воссоединении Севастополя с Россией. Не орудиями, не броней – силой духа поддержала старая батарея крымских патриотов.

Но это, как говорится, другая история.

### КОМАНДИРЫ 35-й БРОНЕБАШЕННОЙ БЕРЕГОВОЙ БАТАРЕИ

Штейнберг Генрих Владимирович – октябрь 1925 года – сентябрь 1927 года

Донец Емельян Петрович – октябрь 1927 года – октябрь 1928 года

Кабалюк Иван Филиппович – декабрь 1928 года – август 1929 года

Чухарев Николай Петрович – август 1929 года – декабрь 1929 года

Руль Август Андреевич – ноябрь 1930 года – декабрь 1931 года

Моргунов Петр Алексеевич – декабрь 1931 года – октябрь 1933 года

Рюмин Александр Александрович – октябрь 1933 года – февраль 1936 года

Булыгин Степан Филиппович – февраль 1936 года – февраль 1939 года

Балан Николай Михайлович – февраль 1939 года – ноябрь 1940 года

Лещенко Алексей Яковлевич – ноябрь 1940 года – июль 1942 года

### КОМАНДНЫЙ СОСТАВ 30-й БРОНЕБАШЕННОЙ БАТАРЕИ В ПЕРИОД ОБОРОНЫ СЕВАСТОПОЛЯ 1941—1942 Г.Г.

Командир батареи: майор Г. А. Александер

Комиссар батареи: старший политрук Е. К. Соловьев

Помощник командира батареи: капитан В. И. Окунев

Командир 1-й артиллерийской башни: старший лейтенант А. В. Теличко

Помощник командира, затем командир 2-й артиллерийской башни:

лейтенант С. А. Шорохов



Книга 1.  
Аркадий Зюзин  
«Непобежденный»



Книга 4.  
Аркадий Зюзин  
«На защите  
Отечества»



Книга 7.  
Ирина Пятилетова  
«Странствия  
русского пилигрима.  
Святая земля»



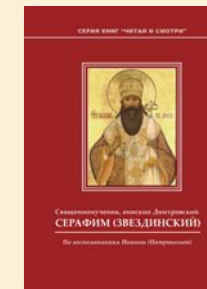
Книга 10.  
Аркадий Зюзин  
Николай Черкашин  
«Бросая  
вызов бездне»



Книга 13.  
Николай Черкашин  
«Глубины,  
Дельфины,  
Галина...»



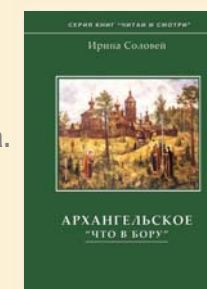
Книга 16.  
Татьяна Беляева  
«Ирина и Ярослав.  
Путь от любви  
к святости»



Книга 2.  
«Священномученик  
епископ  
Дмитровский  
Серафим  
(Звездинский)»



Книга 5.  
Лариса Черкашина  
«Александр Пушкин.  
Тайны древа»



Книга 8.  
Ирина Соловей  
«Архангельское,  
«что в бору»



Книга 11.  
Ирина Пятилетова  
«Анна из рода  
Патрикеевых  
(Иоанна  
Дмитриевская)»



Книга 14.  
Николай Черкашин  
«Брестские врата»



Книга 17.  
Николай Черкашин  
«Герои К-19»



Книга 3.  
Аркадий Зюзин  
«Первые  
в созвездии СУ»



Книга 6.  
Аркадий Зюзин  
«Притяжению  
земному вопреки»



Книга 9.  
Николай Черкашин  
«Легендарный  
Севастополь»



Книга 12.  
Татьяна  
Мирошник,  
Владимир  
Мирошник  
«Минное поле»



Книга 15.  
Аркадий Зюзин  
«Четвертая рота.  
Афганистан»



Книга 18.  
Аркадий Зюзин  
«Космические  
инженеры»





Книга 13.  
Николай Черкашин  
“Глубины,  
дельфины,  
Галина...”



Книга 14.  
Николай Черкашин  
“Брестские врата”



Книга 15.  
Аркадий Зюзин  
“Четвертая рота”



Книга 16.  
Татьяна Беляева  
“Ирина и Ярослав.  
Путь от любви  
к святости”



Книга 17.  
Николай Черкашин  
“Герои К-19”



Книга 18.  
Аркадий Зюзин  
“Космические  
инженеры”



Книга 19.  
Аркадий Зюзин  
“Семь зимних  
дней под  
Дмитровом”



Книга 20.  
Аркадий Зюзин  
“Комбат-батяня”



Книга 21.  
Аркадий Зюзин  
“Дмитров  
в Смутное время”



Книга 22.  
Ирина Пятилетова  
“Летопись  
героического  
похода. Конный  
переход Ашхабад -  
Москва.”



Книга 24.  
Николай Черкашин  
“Подземный линкор”  
*Рекомендуем посмотреть!*

1. Документальный фильм «Нас не слышит Земля», (2011 г.) Режиссер Марк Муромский
2. Документальный фильм "Севастопольский гамбит", (2010 г.) Режиссер Александр Трофимов Производство к/к ТРЖ
3. Документальный фильм "Великая война", Часть 3 "Оборона Севастополя" (2011 г.) Режиссер Анна Граждан Производство МТК Star Media



Книга 23.  
Николай Черкашин  
“Федор Конюхов:  
одиночное плавание.  
Путешественник  
глазами  
путешественника.”

Читай и смотри интернет-версию: [kino-slovo.ru](http://kino-slovo.ru)

© Образовательный проект «Берега»

Авторы проекта Ирина Дядченко, Юлия Васечко

Литературный редактор Ирина Пятилетова

Корректор Елена Рыкова

Выражаем благодарность спонсорам за поддержку проекта

Москва - 2021

